

КОРФ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КОРФ Вера Адольфовна, родилась в 1899. Баронесса. С 1913 — проживала в Киеве, с 1916 — служила машинисткой в конторах, затем в советских учреждениях. 5 апреля 1935 — арестована в Киеве, в июле приговорена к ограничению проживания на 3 года (-6). Поселилась в Воронеже. В октябре 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<16 октября 1936>

«Дорогая Екатерина Павловна!

По постановлению ОСО НКВД Союза ССР я лишена права проживания сроком на 3 года, начиная с 5/IV-35 г<ода>, в запретных пунктах (5 городах), в том числе и г<ороде> Киеве, где я работала и проживала с 1913 г<ода>, на одной и той же квартире.

В Киеве я вынуждена была оставить больную старуху-мать 78 лет, прикованную 10-й год к постели вследствие тяжелой болезни сердца, немогущую обходиться без посторонней помощи, и больную сестру, которая работает с 1912 г<ода>, а в настоящее время находится на соцстрахе.

Эта административная репрессия при таких данных является для меня особенно тяжелой и несправедливой, так как я никакой вины за собой не чувствую, никакого преступления не совершила.

Зная, что я ни в какой контрреволюционной деятельности не причастна, я ни минуты не сомневалась, что это выяснится.

На первом же допросе я спросила следователя: "В чем Вы меня обвиняете?", — на что он мне ответил: "У нас есть сведения, что Вы вели антисоветские разговоры".

Так как подобных разговоров я никогда нигде не вела, и это было голословное обвинение, я ему ответила с возмущением: "Дайте того мерзавца или мерзавку, которые это сказали", — на что последовал ответ: "В порядке следствия я Вам дам очную ставку".

Когда на следующем допросе следователь предложил мне подписать статью, обвиняющую меня в контрреволюционной деятельности, я начала протестовать и отказывалась подписывать, так как знала, что в ней неповинна, но он мне сказал: "Поймите, ведь это только обвинение, а не что-либо доказанное, мы разберемся, и раз Вы не виноваты, оно отпадет". И обещал меня вызвать еще на допрос, но больше не вызывал, и по прошествии 3-х месяцев я получила административную высылку за контрреволюцию.

Из всего этого я вижу, что постигшее меня несчастье вызвано каким-то гнусным доносом или моим происхождением. Очевидно, следственная власть, в связи с доносом, сочла меня опасной в социальном отношении.

Но верьте мне, дорогая Екатерина Павловна, что для подобных подозрений нет решительно никаких данных, так как:

1) хотя отец мой был из баронов Остзейского края, но никакого имущества не имел и с малолетства (10 лет) остался круглым сиротой и все время служил в России, и всегда был русским подданным;

2) отец мой умер глубоким стариком 70 лет в 1913 году, когда мне шел всего 14-й год;

3) после смерти отца мы остались без всяких средств, так как единственным источником существования был заработок отца, и вынуждены были личным трудом добывать себе право на существование;

4) с 1916 г<ода> я непрерывно работаю машинисткой, за свою работу удостоена звания наилучшей ударницы и многократно премирована.

Тов<арищ> Сталин сказал, что "дети не отвечают за своих родителей". Неужели же я должна нести наказание за свое происхождение (а ведь мой отец был честный труженик, всегда учивший нас, что впереди нас ждет только труд, что мы должны быть честными тружениками и никогда не должны делать другому того, чего себе не желаем)?

Мое социальное положение, мой трудовой стаж на протяжении всего революционного периода — лучшие доказательства того, что во мне Советская власть имеет работника, душой и телом преданного соц<иалистическому> строительству.

Верьте мне, дорогая Екатерина Павловна, что я люблю свою родину и никогда ни на какую подлость против нее не пойду.

Дорогая Екатерина Павловна, я твердо уверена, что в моем деле допущена ошибка, что я и моя несчастная семья страдаем невинно, но я твердо верю, что в Советском Союзе всякая ошибка охотно исправляется.

Я знаю Ваше чуткое отношение к трудящимся, Ваше внимание к их жалобам, и это дает мне уверенность, что и мое ходатайство будет услышано Вами, и потому прошу Вас:

1) окажите мне содействие в пересмотре моего дела и 2) возвратите меня в мою семью, к моим несчастным и горячо любимым мною матери и сестре, которым я так необходима, так как я являюсь для них единственной материальной, моральной и физической поддержкой.

При сем прилагаю свидетельство врача от 15/IX-36 г<ода>, подтверждающее тяжелую болезнь моей матери.

16/X-36 г<ода>.

В. Корф

Адрес: г<ород> Воронеж (обл<асть>), Крестьянская ул<ица>, д<ом> № 28, кв. № 1.

Вера Альфредовна Корф»¹.

В ноябре 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью ее мать, Вера Ивановна Корф.

<15 ноября 1936>

«Дорогая Екатерина Павловна!

Моя дочь, Корф Вера Альфредовна осуждена с 5/IV-1935 г<ода> к лишению права проживать в запретных пунктах (5 городах) сроком на 3 года.

Уже прошло полтора года с момента вступления в силу этого постановления. Зная, что моя дочь всегда была честным работником Советской власти и никогда контрреволюционеркой не была — умоляю Вас снять с нее это ужасное пятно и этот позор. И дать ей возможность по-прежнему ударно работать и разрешить вернуться в Киев ко мне, ее матери, положение которой 78 лет, старуха, 10-й год недвижимо лежащей в постели — отчаянное.

Дочь, находящаяся при мне, больна водянкой почки и буквально с ног валится, вынуждена подымать и делать все для меня необходимое во вред своему здоровью.

Умоляю Вас вернуть несчастной матери, которой недолго осталось жить, мою дочь, которая мне необходима, как моральная и физическая помощь, заработок которой служит единственным источником нашего существования.

Посочувствуйте моему великому, великому горю и верните мне мою дочь.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1478. С. 129-130. Машинопись.

При сем прилагаю справку от врача от 15/IX-1936 года.
Адрес: Киев, ул<ица> Артема, 33
Вера Ивановна Корф»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1478. С. 131. Автограф.